

Переезд императора Мэйдзи из Киото в Токио

[← вернуться](#)

Александр Мещеряков

В 1868 году вместе с переходом власти от последнего сёгуна Токугава Ёсинобу к императору Мэйдзи новое правительство столкнулось со множеством серьезных проблем. В частности, нужно было решить, где поселить императора, то есть какой город сделать столицей.

Выбор оказался, в сущности, не так велик. В стране было три города, которые могли претендовать на статус столицы: Киото, Осака и Эдо. За Киото говорила его более чем тысячелетняя история. Он был основан в 794 г., и с тех пор императорский дворец находился именно там. Но это достоинство одновременно являлось и недостатком. Для того чтобы превратить Японию в мощную и современную страну, одних традиций было слишком мало. В Киото проживали связанные родственными узами с царствующим домом древние аристократические роды. И они не хотели никакой модернизации. Когда в начале 1868 г. правительство предложило, чтобы пятнадцатилетний император дал аудиенцию иностранным послам, это вызвало среди придворных настоящую истерику. Как может священная особа осквернить себя общением с этими грязными, длинноносыми и красноволосыми варварами? - вопрошали они.

Особенно сильно протестовала женская половина двора во главе с «физиологической» матерью Мэйдзи – Накаяма Ёсико, наложницей его покойного отца Комэй. Она даже заявила, что ее сын не может дать аудиенцию ввиду болезни. Одному из главных инициаторов встречи - Ивакура Томоми - пришлось попросить другого доктора освидетельствовать Мэйдзи, и тот признал его абсолютно здоровым. Следует добавить, что до этого времени аристократы иностранцев никогда вживе не видели. Свое представление о них они черпали из гравюр, изображавших иноземцев в карикатурной форме.

В такой обстановке оставаться императору в Киото было нельзя. На этом сходились практически все члены правительства.

А что Осака? В пользу этого крупнейшего торгового центра, который называли «кухней Японии», говорила близость к морю, близость к Киото, древнее происхождение города. Двор императора Нинтоку (313-399) находился именно в Осака (тогда это место называлось Нанива). А Нинтоку считался образцовым конфуцианским государем - жил скромно, крыша его дворца протекала, но зато он заботился о благе своих подданных.

Один из ведущих деятелей нового правительства - **Окубо Тосимити** - выступал за то, чтобы перенести двор императора в Осака, но сторонников у него нашлось немного. Осака был городом купцов, которых по старой традиции презирали и самураи, и аристократы, которые входили в правительство.

Еще один план заключался в том, чтобы столиц было две - Киото и Эдо. Одна столица, бывший Эдо, будет называться Токио (Столица Востока), а другая, Киото, - Сайкё (Столица Запада). Дело в том, что традиционная география делила территорию Японии на две основные части - западную (с центром в Киото), и восточную (с центром в Эдо). Что до самого императора, то он будет попеременно жить в обеих столицах.

Другой революционер - Кидо Такаёси - отстаивал план сразу "трех столиц" - Киото, Эдо и Осака.

Однако выбор был сделан в пользу Эдо. В пользу того города, который был фактической столицей страны уже в течении длительного времени благодаря нахождению там сёгуна. Эдо находился на самой обширной равнине страны – Канто (Мусасино), которая была житницей Японии. В середине XIX в. он являлся самым крупным городом не только Японии, но и всего мира, он располагал и самой развитой городской инфраструктурой.

Указ о провозглашении "Столицы Востока" (Токио) датируется 3 сентября 1868 г. В нем, в частности, говорилось: «Поскольку Эдо является крупнейшим городом в восточных провинциях, а также тем местом, куда отовсюду собираются люди, он является наиболее подходящим местом для того, чтобы управлять оттуда». При этом никакого указа об утрате Киото столичных функций не последовало. Наоборот, в указе утверждалось, что император будет совершать частые поездки из одного города в другой, чтобы иметь возможность выслушивать мнения людей.

В анонимном стихотворении этого времени говорилось:

Поблекли		
Вечнозеленые		иглы
Мощной		сосны.
На	равнинах	Мусаси
Хризантемой	запахло.	

Под «сосной» понимался сёгун. Хризантема же была гербом императорского дома. Как это столь часто бывает в японской культуре, политическое событие она описала с помощью природных образов.

Дискуссия о переносе столицы хорошо свидетельствует о планах новой политической элиты. До этого времени император безвыездно пребывал в своем дворце, видеть его могла только кучка придворных. Теперь же идеологи желали, чтобы Мэйдзи вышел из тени, сделался зримым символом власти, сократил дистанцию между правителями и управляемыми. Но в то же самое время принятый к исполнению проект отнюдь не предполагал, что император будет

править страной. Действительно, трудно себе представить, как кочующий между двумя столицами император в условиях отсутствия телефона, телеграфа и даже железной дороги сможет быть в курсе дел и принимать решения.

Раньше император пребывал в своем дворце. Теперь же он должен был предъявлять себя подданным не только с помощью своих указов, но и телесно. Это делалось для того, чтобы, по словам Окубо, не возникало непреодолимого разрыва между «верхом и низом». Тело императора (или же заменяющий его паланкин, в котором он передвигался) становилось доступным для обозрения, само смотрение на него являлось разновидностью ритуала. Теперь люди могли видеть, от чьего лица адресуются им указы, которые они обязаны исполнять.

Поражают энергия и быстрота, с которыми выполнялся намеченный курс. Несмотря на яростное противодействие киотоских аристократов, паланкин с Мэйдзи двинулся из Киото в Токио уже 6 ноября. Официальная причина путешествия - забота о людях восточной части страны, которые пострадали из-за военных действий, вспыхнувших в связи с переходом власти к императору. Кроме того, нужно было заполнить "церемониальный вакуум", возникший в крупнейшем городе страны в результате краха сёгуната. Нужно было наглядно продемонстрировать людям, что в стране есть новый правитель. «Западная Япония» ассоциировалась с Киото и императором, «восточная» - с Эдо и сёгуном. Теперь нужно было сделать так, чтобы и Эдо-Токио принадлежал только императору.

В это время среди жителей сильно опустевшего Токио господствовали самые мрачные предчувствия относительно судьбы города. Один из лучших знатоков тогдашней Японии, переводчик английского посланника **Эрнест Сатов**, полностью разделял их: «Теперь, когда даймё, чьи потребности удовлетворялись купцами и владельцами магазинов, отправились в свои загородные дома, население [города] неизбежно уменьшится. Печально, если Эдо придет в упадок, поскольку это один из прекраснейших городов Дальнего Востока. Хотя там нет красивых публичных зданий, его расположение на берегу океана, роскошные сады даймё и замечательные, огромные рвы вокруг замка, над которыми возвышаются циклопические стены, на которые бросают тень живописные ряды сосен, многочисленные деревенские виды в самом городе, - все это создает впечатление величия».

Мэйдзи погрузился в паланкин в 8 часов утра. Его сопровождало 3300 человек во главе с Ивакура Томоми, Накаяма Тадаясу (дед Мэйдзи по материнской линии) и многими князьями-даймё. Мэйдзи захватил одну из императорских регалий - священное зеркало, символ прародительницы своего рода богини солнца Аматаэрасу. Жители Киото падали ниц при виде императорского паланкина. Они хлопали в ладоши - точно так же, как они привыкли это делать в храмах и святилищах, желая обратить внимания божеств на свои беды.

Выбравшись из Киото, Мэйдзи издали помолился кургану, в котором был погребен император Тэнти (661-671) - родоначальник той династической линии, к которой принадлежал и сам Мэйдзи. Тэнти был известен тем, что учредил первую в истории Японии школу и покровительствовал поэзии. Мэйдзи тоже

увлекался сложением стихов. Забота об образовании своих подданных станет в дальнейшем одним из главных направлений его деятельности.

Но противники поездки императора не унимались. Когда Мэйдзи в середине первого дня своего путешествия остановился на отдых, процессию догнал средний государственный советник Охара Сигэтоми. Он сообщил: тории (ворота, ведущие в святилище) во внешнем святилище в Исэ (там почиталась богиня еды Тоёукэ) неожиданно обвалились, что следует истолковать как неблагоприятный знак, предписывающий Мэйдзи немедленно вернуться в Киото. Однако Ивакура, хорошо знакомый с политическими технологиями своего времени, отговорился тем, что устроит специальную службу, дабы избежать от возможных несчастий, и заявил о решимости завершить путешествие своего императора.

Во время своего путешествия Мэйдзи по тракту Токайдо, связывавшему Киото и Токио, Мэйдзи часто отправлял посланцев, чтобы те совершили приношения в святилищах, которые попадались ему по дороге; жертвовал деньги старикам, больным и инвалидам, родителюлюбивым чадам и чадолюбивым родителям, верным женам и слугам. Точно так же поступали и древние японские государи - до тех пор, пока они не перестали покидать пределы своего дворца. Мэйдзи мог позволить себе благотворительность - расходы были оплачены купцами из Киото и Осака. Финансы же самого нового правительства находились тогда в весьма плачевном состоянии.

По дороге в Токио Мэйдзи впервые в жизни наблюдал, как крестьяне жнут рис. Похоже, что урожай того года выдался не слишком богатым. Мэйдзи раздавал крестьянам в утешение сладости. Разумеется, не самолично, а через своих чиновников. На вторых этажах домов, мимо которых проносили императора, было приказано заклеить шторы бумагой, чтобы никто не мог увидеть Мэйдзи (его паланкин) сверху - одно из правил, подлежащих неукоснительному исполнению.

Ни один из императоров за всю японскую историю не совершал такого длительного путешествия. Можно только догадываться, что чувствовал Мэйдзи, впервые обозревая свою страну, о которой он знал только из книжек и докладов. Увидев Фудзияму 20 ноября, Мэйдзи повелел своим сопровождающим непременно сочинить по стихотворению к тому дню, когда они прибудут в Токио.

Этот день настал 26 ноября. Путешествие заняло 20 дней. Это означает, что процессия проделывала около 25 километров в день. За въездом императора в бывший сёгунский замок наблюдали десятки тысяч людей. Хотя на Хоккайдо еще продолжались военные операции против последних сторонников старого режима, победа императорской армии уже не вызывала сомнения. 15 декабря принц Арисугава Тарухито, командующий этой армией, вернул Мэйдзи его штандарт и меч. Миссия по укрощению мятежников была выполнена.

Мэйдзи ответил тем, что велел поить токийских горожан за его счет в течение двух дней. Было выпито 3000 бочек сакэ. Не забыли советники императора и про закуску, в качестве которой выступала сушеная рыба. Пожалуй, это было первое

мероприятие Мэйдзи по кормлению народа. А это не забывается. Тем более, что сёгунам поить такое количество людей в голову не приходило. По всей вероятности, идея была подсказана европейским опытом «работы» с населением. Токийцы и другие жители Канто стоили того, чтобы лишний раз выказать им уважение. Тот, кому удалось заслужить расположение местных жителей, мог рассчитывать на контроль над всей страной. Первая поездка Мэйдзи в Токио напоминала триумфальное вхождение победителя в сдавшийся на его милость город. Само путешествие Мэйдзи являлось свидетельством его освобождения – ведь сёгунат не позволял императорам покидать пределы их дворца Госё в Киото.

Токио произвел на Мэйдзи впечатление своими гигантскими размерами. Точно так же, как и сёгунский замок, который был намного больше, чем его дворец в Киото. Впрочем, изнутри замок выглядел не слишком убедительно: наиболее внушительные строения сгорели еще в 1863 г. С приездом туда Мэйдзи из замка убрали поминальные таблички предков Токугава, их фамильную усыпальницу разрушили. В этом смысле новое правительство действовало как настоящие революционеры.

Несмотря на разочарование приверженцев сёгуната, никаких серьезных волнений в Токио не наблюдалось. В этом видна отличительная особенность тогдашнего (а во многом и нынешнего) менталитета японцев. «Большие» вопросы решаются «большими» людьми. А мы – люди маленькие. Отрекаясь от своего поста, последний сёгун Токугава Ёсинобу не велел сопротивляться. Теперь его замок занял Мэйдзи. Значит, ему и нужно повиноваться.

5 и 6 января Мэйдзи принимал глав иностранных миссий, а одиннадцатого января впервые в жизни отважился подняться на борт корабля. Это был японский военный корабль «Фудзи». Дед императора, Накаяма Тадаёсу, решительно отговаривал императора от этого «безрассудного» поступка - он боялся, что корабль утонет, а вместе с ним пойдут ко дну императорские регалии. Вопрос решили так: Мэйдзи на борт «Фудзи» все-таки поднялся, но расстался на время со своими регалиями (что было против всех правил), оставив их на берегу.

20 января 1869 года Мэйдзи отправился в обратный путь в Киото. На сей раз его сопровождало 2153 человека. Император вернулся в столицу 5 февраля. Он спешил в Киото, чтобы принять участие в поминальной службе по своему отцу Комэй. Служба состоялась 8 февраля. Первое длительное путешествие Мэйдзи было закончено. Преодолев путь между Киото и Токио, Мэйдзи словно волшебной нитью соединил их, Запад и Восток страны. В первой половине его правления таких путешествий будет еще очень много.

Слухи о переносе резиденции императора в Токио беспокоили жителей Киото. Развеять их не помогали даже опровержения от имени правительства, даже раздача в Киото сакэ. Тем более, что 18 апреля Мэйдзи снова погрузился в тряский паланкин. В процессии на сей раз находилось 2000 самураев-добровольцев. Они просили императора не покидать Киото и не загрязнять себя общением с ненавистными иностранцами. Поскольку уговорить Мэйдзи не

удалось, самураи тоже отправились в путь, желая защитить своего императора.

По пути в Токио паланкин императора остановился в Исэ, где находится родовое святилище императорского рода. Парадокс заключался в том, что ни один император никогда не молился там. Это было связано с какими-то непонятными нам запретами. Запрет на посещение Исэ был, возможно, вызван тем, что там хранится оригинал священного зеркала Аматэрасу. Императору же запрещалось смотреть на солнце. После Исэ Мэйдзи отправился в Тацута, где хранился оригинал одной из его регалий - священный меч. Посещение важнейших синтоистских святилищ намекало на то, что отныне именно культы синто (как древние, так и учрежденные вновь по подобию древних) призваны обеспечивать благополучие в государстве.

Худшие опасения жителей Киото получили подтверждение. Очутившись в Токио, Мэйдзи отправил посланца в Киото, который доложил гробнице Комэй, что неотложные дела задерживают его. Вдовствующей императрице было сказано: ей следует ожидать возвращения ее «сына» не раньше, чем через несколько лет. С этого времени Токио фактически становится столицей страны. Токио, безусловно, обладал более развитой городской инфраструктурой. Именно там располагались раньше все центральные правительственные учреждения, там же находились и иностранные миссии. Совсем неподалеку находился порт Иокогамы – японский вариант «окна на Запад». Но, видимо, самое главное заключалось в другом. Люди привыкли слушаться того, «кто в Эдо».

А потому новая власть сочла за благо обосноваться именно там.

Чтобы показать, кто здесь теперь хозяин, для горожан Токио на три дня открыли сёгунский сад, находившийся внутри замка – милость, которая не имела прецедентов. Посетителей было столько, что восемь человек погибли в давке. Императору ничего другого не оставалось, как вновь закрыть ворота замка и пожаловать деньги семьям погибших.

Отныне Мэйдзи постоянно проживал в Токио, куда переехали и все центральные органы власти. Однако большинство аристократов, к счастью для дела модернизации, продолжало жить в Киото. В гареме Мэйдзи места аристократок заняли дочери бывших самураев.

Должность местоблюстителя императора в Киото упразднили в 1871 г. **Киото окончательно перестал быть официальной столицей.**

Все это отнюдь не означает, что Токио мгновенно превратился в город, достойный звания столицы «великой японской империи», как стала именовать себя ныне страна. В первое десятилетие нахождения там императора никакого масштабного строительства символов государственной власти там не велось.

Более того: не восстанавливались даже старые. В мае 1873 г. из-за оплошности служанки на дворцовом складе вспыхнул пожар. Дворец был полностью уничтожен, многие ценнейшие документы обратились в пепел. Однако императорские регалии спасти удалось. Мэйдзи пришлось переехать во «временный дворец» Акасака – бывшую резиденцию князей из Кисю. Он жил там вплоть до 1889 г., когда на месте сёгунского замка возвели новый дворцовый комплекс. Столь долгий срок пребывания во «временном дворце» объясняется крайне напряженным состоянием государственных финансов – на счету была буквально каждая йена. Сам император не раз заявлял: он не хочет, чтобы возведение дворца легло бы дополнительным бременем на плечи трудового народа. Именно к такой формулировке частенько прибегали праведные правители китайской и японской древности. Каменные стены бывшего сёгунского замка разваливались, территория зарастала кустарником и деревьями. И это в самом центре столицы!

До 1889 г. символом императора был не дворец, а паланкин, в котором он путешествовал по стране. Это был основной способ, с помощью которого он напоминал своим подданным о своем физическом существовании.

С 1889 г. Мэйдзи обретает большую неподвижность, и теперь на поклонение к нему съезжаются люди со всей страны. Введение в школьную программу обучения экскурсионных поездок в столицу сильно способствовало процессу превращения императора и его дворца, самого Токио в главную точку символической топографии Японии.

Эрнест Сатов оказался прав в своих прогнозах относительно ближайшего будущего Токио. Население города, насчитывавшего 1 миллион 300 тысяч жителей, начало сокращаться еще в 1862 г., когда были введены послабления в системе заложничества (санкин котай). До этого времени князья вместе со своими семьями были обязаны через год являться в Эдо и жить там. Только по прошествии года им разрешалось вернуться в родное княжество. Тоже на год. Семья же оставалась жить в Эдо. На узких дорогах, ведущих в Эдо, часто можно было наблюдать многокилометровые процессии. Во главе процессии находился князь. Он мог ехать верхом, могли его и нести в паланкине. Свита и охрана передвигались пешком. Заставляя князей жить на два дома, сёгун специально истощал княжеские финансы. Содержа их неподалеку от себя под надзором многочисленных агентов, он предотвращал возможность сговора. Система заложничества имела побочный эффект: развитие сферы обслуживания. Придорожные гостиницы, едальни, публичные дома и бани в Эдо процветали. В 1862 г., сроки пребывания даймё в Эдо были сокращены, а членам семьи разрешалось покидать Эдо по своему усмотрению.

Для Эдо разрушение системы заложничества означало значительное сокращение населения: **в свитах даймё состояло около 360 000 человек!** Вместе с их частичным отъездом из Эдо потеряли работу многие жители города, которые были заняты их обслуживанием. Вкупе с развернувшимися впоследствии боевыми действиями и отъездом Ёсинобу это привело к массовому исходу из Эдо: к 1869 году население Эдо уменьшилось на 800 тысяч (с 1 миллиона 300 тысяч человек до 500 тысяч). Население восстановилось только в

1889 г.

Император унаследовал сильно опустевший город. Мэр Токио Оки Такато предпринял отчаянный план по превращению значительной части столицы в сельскохозяйственные угодья – 9 процентов территории заняли посадки тутового дерева и чая. В начале 80-ых годов встречались и засеянные рисом поля. В Токийском заливе во время отлива множество людей бродили по обнажившемуся дну и собирали съедобные ракушки – излюбленное лакомство обитателей архипелага еще со времен палеолита.

Но все равно Токио притягивал к себе тысячи и тысячи самых энергичных жителей страны, город рос. Однако в первые десятилетия правления Мэйдзи, когда последствия индустриализации еще не были явлены в полной мере, Токио еще не успел превратиться в «каменные джунгли». **Эдвард Морс** (1835-1925), основатель современной археологии в Японии, вкусивший прелести стремительной индустриализации в Америке, писал о Токио: «Было весьма отраднo наблюдать через весь огромный город на корабли в заливе Эдо; ни одной трубы, ни малейшего дымка – впечатляющий контраст по отношению к нашим задымленным городам». Ему вторит писатель **Всеволод Крестовский** (1840-1895), побывавший в Японии в 1880-1881 гг.: «Тут, справа, - какая-то фабрика, состоящая из нескольких кирпичных зданий. На нее невольно обращаешь внимание, потому что ни около Иокогамы, ни в окрестностях Токио не видать высоких фабричных труб, к которым так привык наш глаз в Европе, что без них мы даже не можем представить себе предместий большого города...». Несмотря на высокую плотность населения, с точки зрения тогдашних мировых мегаполисов Токио представлялся очень большой деревней. Воздух был еще настолько чист, что в ясную погоду из Токио была видна Фудзияма (сейчас об этом можно только мечтать).

12 февраля 1883 г. заместитель отдела строительства императорского дворца Сисидо Тамаки подал докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Назначение императорского дворца отнюдь не ограничивается тем, что он является вместилищем священного тела императора. Дворец – это место, предназначенное для великих дел по управлению страной, люди – как здесь, так и за границей – должны взирать на него с чувством почтения и восхищения. Это место, где отправляются ритуалы для [процветания] Поднебесной. В последние годы к нам приезжает все большее число королевских особ и благородных людей из Европы и Америки, с каждым днем отношения становятся все более тесными. Дела в этом мире зависят от ритуала. Если говорить об управлении страной, то уже прошло то время, когда император мог править Поднебесной из крытой соломой хижины, в которую ведут земляные ступени».

Среди политической элиты господствовали похожие настроения – с ростом имперского самосознания стране требовалась и соответствующая ему столица, в сердце которой находился бы императорский дворец. При этом все обращали внимание, что во всех «настоящих» державах (будь то монархии или республики) такие архитектурные символы уже имелись. Было решено, что дворец должен быть построен к принятию конституции. Ее провозглашение намечалось на 1889 год.

В октябре 1888 г., менее чем за четыре месяца до принятия конституции, **строительство императорского дворца было завершено**. Комплекс состоял из 36 деревянных зданий, соединенных между собой крытыми галереями. В этом отношении дворец напоминал традиционную усадьбу аристократа. Новшеством были интерьеры. Помещения, предназначенные лично для Мэйдзи, были выполнены в чисто японском стиле. Однако убранство строений, где проводились публичные церемонии, отличалось смешанным дизайном. В них не снимали обувь, полы были покрыты коврами, мебель закупалась в Германии. Мост, переброшенный через ров с водой, отделявший сложенные из камня стены дворцового комплекса от города, был построен в традициях немецкого ренессанса. Быстрый рост военной мощи Германии, несомненные успехи в конструировании немецкой нации убеждали японское правительство в том, что ему стоит следовать по пути, проложенному Германией.

Дворец был символом Японии, а этот мост, получивший название Нидзюбаси, стал символом дворца, поскольку, как и раньше, дворцовый комплекс представлял собой «запретный город», вход в который простолюдинам был заказан. Желавшие засвидетельствовать императору Мэйдзи свое почтение, дальше этого моста пройти не могли. Отсюда начинались дороги Японии – именно он был той нулевой точкой, от которой отсчитывалось расстояние от Токио до любой точки страны.

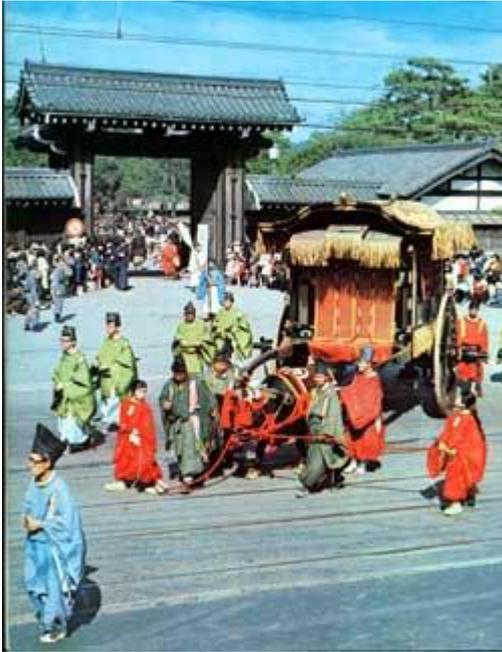
Дворец производил на всех посетителей самое благоприятное впечатление. В особенности это касается тронного зала. Немецкий доктор **Эрвин Баэлз**, находившийся на службе в Министерстве Двора, отмечал, что ему не доводилось видеть в Европе более прекрасной залы. Корреспондент газеты «Japan Daily Mail» так описывал его: «Тронный зал в императорском дворце представляет собой комнату, дышащую благородством; она выполнена в соответствии с японскими представлениями, но с элементами, заимствованными с Запада. Потолок – комбинация из картин, воплощающих в условной форме хризантему, павлонию и пион; цвета – насыщенные, но приглушенные, каждая картина заключена в глубокую лакированную рамку, углы которой отделаны тщательно гравированными листами позолоченной меди. Спускаясь по изогнутому карнизу, который украшен сходным образом пионами на красном фоне,...потолок переходит на второй уровень, где те же самые мотивы повторяются в несколько более приглушенных тонах. Верхняя часть стен украшена тонкой кожей с неброской отделкой... Трон, выполненный в красных и золотых тонах, расположен на невысоком помосте, а над ним, поддерживаемый двумя склоненными копьями, находится шелковый балдахин с прекрасно вытканными фиолетовыми изображениями императорского оружия, хризантем и павлоний на желто-соломенном фоне».

В сущности, разделение на «японскую» и «инострannую» часть дворца не может считаться нововведением. Такое же разделение практиковалось уже в VIII в. в Нара. С той, правда, разницей, что под «заграничным» понималось китайское. Те здания, в которых древние императоры осуществляли свои публичные функции, были на китайский манер покрыты черепицей, а строения внутреннего дворца по-прежнему крылись дранкой.

Архитекторы дворцового комплекса позаботились и о предместьях дворца. Квартал, примыкавший к Нидзюбаси, снесли. Теперь перед дворцом раскинулась огромная площадь. В традиционном японском городе площадей не было. Публичные действия по необходимости принимали форму растянутых по дороге процессий. Теперь государство получило площадку, приспособленную для публичных церемоний европейского типа. Заполнившие ее люди были японским народом. Император мог теперь видеть его, не совершая утомительных путешествий в тряском паланкине по дальним уголкам своей страны. **Мобильный император**, представлявший собой «движущийся Центр», приобрел постоянные пространственные характеристики. Японский народ по большим праздникам мог увидеть здесь своего императора. Вместе с армейским плацем в Аояма и парком Уэно, где концентрировались культурные символы (находившиеся в ведении Министерства двора Национальный музей, императорская академия, токийская музыкальная академия, академия искусств, императорская библиотека) дворцовая площадь стала главным местом, где осуществлялась символическая смычка между людьми со всех концов страны. На этих площадках, с этим народом общалась власть на вновь изобретенном национальном языке тоталитаризма.

20 июля 1883 г. скончался правый министр Ивакура Томоми. В отличие от большинства членов правительства, принадлежавших к бывшим самурайским фамилиям, он вел свою родословную от киотосской аристократии. И беспокойство по поводу того, что Киото после отъезда оттуда императора приходит в упадок, не оставляло его. Недаром его последним проектом государственной важности было возрождение древней столицы. Родившийся в Киото император был с ним полностью согласен. Это был редкий случай, когда российский пример вдохновил Мэйдзи. Он указывал, что после основания Санкт-Петербурга Москва не потеряла своего ритуального значения: российские монархи короновались в Кремле. И славу Киото тоже можно было поддержать за счет проведения там важнейших ритуальных мероприятий.

В мае 1883 г. Ивакура отправился в Киото и представил свои соображения по тому, как можно сделать увядающий город вновь процветающим. Предполагалось, что в Киото будет открыт филиал министерства двора. Этот филиал станет отвечать за связи с местными святилищами и храмами. В Госё в память об основателе города - императоре Камму - будет построено святилище. Часть церемонии интронизации будущего государя, а также церемония посвящения жены государя в сан императрицы должны проводиться в Киото. Ивакура предложил также построить в городе специальный храм (ёхайсё), в котором можно было бы поклоняться святилищу в Исэ и гробнице первоимператора Дзимму «издалека» (в традиционном синто обряда поклонения «издалека» не существовало – совершение обряда допускалось только там, где расположена святыня). И многие другие важные ритуалы также следовало, согласно предложению Ивакура, проводить в Киото. Причем правый министр ратовал за то, чтобы на эти ритуалы допускался бы и народ. Раньше императорские ритуалы были сокрыты от посторонних глаз, но теперь эти ритуалы должны были послужить «склеиванию» воедино императора и его подданных. Ивакура напоминал старую конфуцианскую истину: **без соблюдения ритуала государство приходит в упадок.**

Большинство предложений Ивакура были претворены в жизнь. Следующий император – Тайсё – прошел церемонию интронизации в Киото. Именно в Киото похоронили и самого Мэйдзи.

Токио стал символом новой Японии – интернационализированной, с развитой промышленностью, с сильной армией, агрессивной. Токио гордился не старым, а новым. Он стал законодателем моды, кирпичные здания в районе Гинзы будто бы переносили горожан в Европу. Улицы там освещались газовыми и электрическими фонарями. На обсаженной деревьями улице невиданной ширины (27 метров!) были устроены первые в Японии тротуары. По

улице проезжали конные экипажи. В доме приемов Рокумэйкан, куда собирались сотни приглашенных, кружились в вальсе иностранцы и японцы, одетые в сюртуки и бальные платья.

Исикава Тэнгай, автор знаменитого в свое время путеводителя по Токио, буквально захлебывался от восторга при виде ярко освещенных улиц Токио: «После наступления сумерек уличные фонари – электрические и газовые – вспыхивают подобно цветам, чтобы представить взору бессонные кварталы во всем их великолепии. Этот город действительно заслуживает звания столицы в цвету». Киото всегда гордился своими сакурами, поэтому его называли «столицей в цвету» (хана-но мияко). Токио не мог конкурировать с Киото в этом отношении, и место сакуры заняли уличные фонари...

Однако «нового» было недостаточно. Новое в Японии всегда стремились уравновесить старым, традиционным. В качестве якоря, удерживавшего «передовой» Токио на плаву, был выбран Киото. В начале правления Мэйдзи в его дворце Госё начали было проводить торгово-промышленные выставки. Теперь экспонаты убрали, все силы были брошены на то, чтобы придать Киото облик столицы с древними традициями.

Особенно памятным в этом отношении оказался 1895 г., когда состоялись грандиозные мероприятия, приуроченные к 1100-летней годовщине основания Киото (Хэйан). В Киото было завершено строительство святилища Хэйан-дзингу, в котором стали поклоняться Камму. С 1940 г. здесь стали поклоняться и императору Комэй – последнему императору, который «правил» из Киото. Новое святилище представляло собой реконструкцию зданий древнего дворцового комплекса.

В качестве одного из мероприятий, приуроченных к юбилею города, был впервые проведен «праздник истории» (дзидай мацури). 22 октября, т.е. в тот день, когда Камму переехал в Хэйан, стало устраиваться грандиозное костюмированное действо. По улицам города прошли тысячи людей, которые в

своих традиционных одеяниях были призваны олицетворить разные периоды японской истории. Киото окончательно стал городом, в котором правит бал История.

"Япония. путь кисти и меча. № 3 (2004)